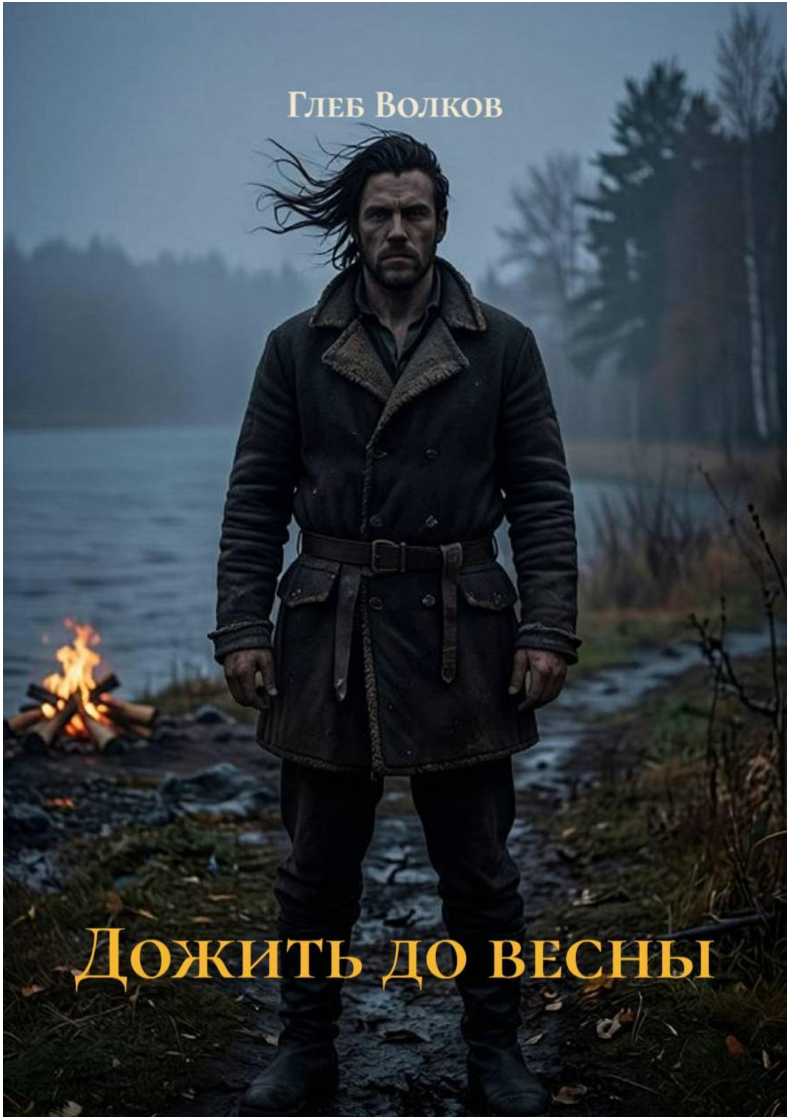

Глеб Волков
Дожить до весны

Глеб Волков
Дожить до весны

https://litres.ru/74800278
SelfPub; 2026

Аннотация

Спасатель горного отряда ушёл под лавину, а очнулся в ледяной воде, в теле каторжника, которого везут на край света.

Двенадцать ссыльных высаживают на диком берегу в последний день осени. Указ короля прост: кто перезимует и к ледоходу будет жить здесь в доме с очагом, получит свободу и землю. Но только если весной на берегу будут все двенадцать. Не станет одного — на каторгу вернутся все.

Еды оставили на половину зимы. В первую же ночь кто-то заливает зерно морской водой. Потом ломают пилу, пропадает солонина, а на мысе, где нет ни души, по ночам загорается огонь.

Он умеет ставить укрытие в пургу, вытаскивать людей из-подо льда и читать снег на склоне. Теперь ему придётся научиться ещё одному: искать врага среди тех, с кем он ест из одного котла.

Содержание

Глава 1. Последний день осени 4
Глава 2. Соль на зерне 14
Глава 3. Серая рукавица 23
Глава 4. Карниз 31
Глава 5. Пила 39
Глава 6. Береста 46
Глава 7. Яма под елью 53
Глава 8. Промоина 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Дожить до весны

Глава 1. Последний день осени

Холод ударил раньше, чем вернулось зрение, и был он такой, что сердце на миг сбилось с шага. Вода стояла вокруг до самого горла, серая, тяжёлая, с ледяной кашей на поверхности, а над головой качался мокрый борт шлюпки, к которому кто-то тянул руки.

Егор Ветров двенадцать лет отработал в горном отряде и знал, что такое холодная вода. Первые секунды человек хватает воздух ртом и не может остановиться, поэтому нельзя суетиться, нельзя кричать, нельзя тратить тепло на панику. Тело само сделало то, чему его учили: он задержал выдох, нашёл ногами опору в пустоте и развернулся к борту.

Только тело было не его. Руки оказались длиннее и тоньше, на запястьях темнели старые следы от железа, а пальцы не слушались совсем. Последнее, что он помнил, был склон над перевалом, сорвавшийся снежный пласт и тяжесть, которая накрыла его вместе с напарником, а потом темнота. Здесь не было ни склона, ни перевала, только море и низкий берег в снегу.

— Держи мальчишку! — заорал кто-то сверху. — Его тянет под днище!

Рядом, в двух шагах, из воды показалась светлая макушка

и тут же ушла вниз. Егор нырнул, не думая, ухватил в темноте воротник грубой куртки и рванул на себя. Парень был лёгкий, но набравшая воды одежда тянула его, как мешок с камнями. Егор перевернул его на спину, подсунул руку под подбородок и толкнул к борту.

Сверху высунулись сразу несколько рук. Мальчишку выдернули, как рыбу, и бросили на дно шлюпки, а потом те же руки взялись за Егора. Его втащили грубо, он ударился коленом о скамью и тут же сел, потому что знал: если лечь, холод возьмёт его быстрее.

— Ты живой там? — над ним навис широкий бородатый человек с перебитым носом. — Ты ж плавать не умел, Ян. Сам на пристани хвалился, что воды боишься.

Значит, теперь его зовут Ян. Ян кивнул, говорить не мог, зубы стучали так, что звенело в ушах. Он повернулся к мальчишке, который лежал на дне лодки, серый, с синими губами, и уже не дрожал.

Вот это было плохо. Человек, который перестал дрожать в мокрой одежде на ветру, остывает до самой опасной границы. Ян подполз к нему, сорвал с парня куртку, потом рубаху, и бородатый рявкнул:

— Ты что творишь? Он и так замёрз!

— Мокрое тянет тепло вдесятеро быстрее, — голос сам нашёлся, хриплый и чужой. — Дай сухое, что есть, любое. И сядь к нему с другой стороны.

Бородатый растерялся, но кто-то сзади уже стягивал с се-

бя шерстяную накидку. Её бросили Яну. Он закутал мальчишку, прижал к себе спиной, чтобы отдавать ему то тепло, которое ещё оставалось, и велел растирать не руки и ноги, а грудь и шею. Женщина с тёмной косой, сидевшая на корме, перебралась к ним без слов и приложила ладони парню к бокам.

— Растирать руки нельзя? — тихо спросила она.

— Сначала грудь, потому что если разом погнать холод от рук к сердцу, оно может сбиться.

Женщина посмотрела на него странно, но спорить не стала. Её пальцы были такими же ледяными, как его, но двигались упрямо и ровно.

Шлюпку качнуло, гребцы налегли на вёсла, и берег стал приближаться. Это был не берег даже, а полоса серой гальки под крутым склоном, над которым тянулся тёмный ельник. Дальше, за мысом, поднимались невысокие горы с белыми вершинами, и над всем этим низко висело тяжёлое небо цвета старого железа.

Позади, за кормой, стоял корабль. Трёхмачтовый, с узким высоким носом, с красной полосой вдоль борта. На корме у него Ян разобрал вырезанную из дерева птицу с распахнутыми крыльями.

— «Чайка», — сказала женщина с косой, заметив, куда он смотрит. — Через час её здесь уже не будет. Ты что, Ян, совсем память в воде оставил?

— Похоже, что так.

Она хмыкнула, но в её взгляде мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

…

Шлюпка ткнулась носом в гальку. Гребцы, двое матросов в смоляных куртках, выпрыгнули первыми, вытащили лодку повыше и встали по сторонам, будто сторожа. Потом с корабля пришла вторая шлюпка, гружёная мешками и бочками, и за ней третья.

Мальчишку Ян вынес на берег сам. Тот уже дрожал, и это было хорошо: тело боролось. Ян усадил его на перевёрнутый бочонок спиной к ветру и огляделся.

Людей на берегу было двенадцать, если считать его самого. Бородатый с перебитым носом. Женщина с косой. Высокий тощий человек в очках с проволочной оправой, который прижимал к груди кожаную сумку, как самое дорогое. Седой старик с обветренным лицом, который сразу пошёл к воде и смотрел на прибой, щурясь. Охотник в меховой шапке, а у его ног вертелся чёрный лохматый пёс. Широкоплечий молчаливый человек с огромными ладонями. Полная пожилая женщина в двух платках сразу. Ещё один мужчина средних лет с хорошими, но заношенными сапогами и бегающим взглядом. Невысокий рыжий парень, который уже успел пересчитать бочки и что-то себе прикинуть. Худой жилистый человек с топором за поясом. И мальчишка, которого Ян достал из воды.

Последней с корабля приплыла четвёртая шлюпка. В ней

сидел офицер в синем мундире и при шпаге, и по тому, как матросы выпрямились, Ян понял, что это капитан. Тот вышел на берег, не замочив сапог, и развернул лист с тяжёлой печатью.

— Слушайте, ссыльные, — сказал он громко, перекрывая ветер. — Указ его величества. Кто перезимует на этом берегу и к ледоходу будет жить здесь в доме с очагом, тот получит прощение и свободу, а земля, которую он займёт, отойдёт ему в надел. Условие одно: весной здесь должны жить двенадцать душ. Двенадцать, не меньше. Корона ставит поселение, а не пустой берег.

Кто-то за спиной Яна нервно засмеялся. Капитан скатал лист.

— «Чайка» придёт, когда сойдёт лёд в заливе. Припасы ваши здесь. Инструмент вон там, а дальше справляйтесь сами.

— На всю зиму? — бородатый с перебитым носом шагнул вперёд. — Капитан, это ж что тут, мешков двадцать? Мы к середине зимы с голоду ляжем.

— Сколько выделено, столько и выгрузили, — капитан не поднял глаз. — Жалобы подадите в канцелярию весной.

Он развернулся и пошёл к шлюпке. Ян смотрел ему в спину и видел то, чего не видели остальные: капитан шёл слишком быстро. Так уходят люди, которым стыдно и которые хотят скорее оказаться там, где на них никто не смотрит.

— Капитан, — окликнул он. — Сегодня какой день?

Тот остановился, обернулся с удивлением.

— Последний день осени, ссыльный, а тебе зачем?

— Поздно, — сказал Ян. — На такой широте при таком небе через три дня здесь будет пурга, а через неделю залив встанет. Вы высаживаете людей на пороге зимы без крыши. Это кто решил?

Капитан помолчал, и в этом молчании было больше, чем в любом ответе.

— Тот, кто решает, — сказал он наконец. — И это не я.

Шлюпка отвалила, и матросы гребли быстро и ни разу не оглянулись.

…

Когда «Чайка» подняла паруса и пошла к выходу из залива, на берегу стало очень тихо. Только шумел прибой, и ветер нёс над водой мелкую ледяную крупу.

— Ну что, — бородатый сплюнул и повернулся к остальным. — Я Бран, кто не знает. Двадцать лет в королевской пехоте, сержант. Раз никто тут командовать не умеет, командовать буду я. Мешки наверх, к ельнику. Шалаш до темноты.

— Шалаш не спасёт, — сказал Ян.

Все повернулись к нему. Бран недобро прищурился.

— А ты у нас кто, утопленник? Час назад ты воды боялся.

— Час назад я и был утопленником, — Ян поднялся с гальки. — А теперь смотри. Ветер с моря. Ночью он развернётся и пойдёт с гор, и будет он сильнее. Шалаш из лапника сдует, а кто в нём уснёт в мокрой одежде, к утру не проснёт-

ся. Я видел, как это бывает.

— Где ты это видел, на каторге?

— В горах, на перевалах.

Бран открыл рот, но старик, который всё это время смотрел на море, вдруг сказал, не оборачиваясь:

— Парень прав. Ветер к ночи с гор пойдёт. Вон облако на вершине, видишь, как его рвёт? Это он идёт. Я на этом море сорок лет. Хаук меня звать.

Бран побагровел, но спорить со стариком не стал.

— И что ты предлагаешь, умник?

Ян посмотрел на берег. Под склоном, у самой скалы, лежал большой выступ камня, а под ним была впадина, сухая, без снега. Рядом на гальке стояли пустые шлюпки, но их забрали. Нет, одну, самую старую, с прохудившимся днищем, матросы бросили, вытащив повыше. Видно, не захотели тащить на борт.

— Вот, — сказал он. — Лодку перевернуть и поставить к скале, под выступ. Это будет крыша и стена от ветра. Щели заложить лапником и мешками с песком. Пол выстелить лапником в две ладони толщиной, никто не ложится на голую землю. Костёр у входа, а за костром камень, чтобы тепло шло внутрь. И все сушатся. Все, до нитки. Мокрые вещи держать над огнём, а самим под одеялами вплотную, спина к спине.

— Вплотную, — хмыкнул рыжий парень, оглядывая полную женщину в двух платках. — Ода, ты не против?

— Против я буду, если ты до утра застынешь, Лис, — отрезала та. — Мальчишка дело говорит. Мой первый муж на лесоповале так зимовал.

Человек в очках, прижимавший сумку, кашлянул.

— Разрешите мне сказать, я Ивен, писарь. Мне поручено вести книгу припасов, так в бумагах сказано. Я предлагаю сначала записать, что нам оставили, а потом уже строить. Иначе к утру половина растащится.

— Записать успеешь, — бросил Ян. — Через час стемнеет. Мешки пусть лежат, где лежат, их до утра никто не тронет. А люди тронутся, если будут сидеть на ветру мокрыми. Кто с топором, за лапником, по двое. Кто сильнее, со мной к лодке.

Бран смотрел на него долго, а потом коротко кивнул, но в этом кивке было обещание: разговор ещё не закончен.

…

К темноте укрытие стояло. Перевёрнутую лодку подняли вчетвером, Бран, Ян, широкоплечий молчун, которого звали Мартен, и жилистый плотник Дарен. Подпёрли её с открытой стороны двумя жердями и прижали камнями. Охотник Гест с псом и Лис натаскали лапника столько, что пол под лодкой стал мягким и пружинил под ногой. Хаук с мальчишкой, который назвался Тиллем, сложили у входа очаг из плоских камней, и Ода развела в нём огонь, ловко, с одной искры, будто делала это каждый день.

Женщину с косой звали Нора. Она молча раскладывала

на камнях у огня мокрые рубахи и куртки и ни разу не пожаловалась, хотя пальцы у неё были в ссадинах от сырых веток.

Ян заставил всех переодеться в сухое, какое было, а у кого не было, отдал своё одеяло. Он проверил каждого: у кого белые пятна на щеках и пальцах, у кого вялый взгляд, кто перестал дрожать. Мальчишку Тилля он положил в середину, между Одой и Мартеном.

Последним в укрытие залез человек с хорошими сапогами. Его звали Рейно, и он весь вечер держался поближе к мешкам.

— Ты так и не сказал, где научился, — Нора села рядом с Яном у огня, когда остальные уже улеглись. — Тот Ян, которого я знала на корабле, не мог узел на верёвке завязать.

— Тот Ян утонул, — сказал Ян и сам удивился, насколько это правда. — А этот вылез.

Она смотрела на него долго, в отсветах огня глаза у неё казались совсем тёмными.

— Ну тогда этот, — сказала она, — постарайся не утонуть ещё раз. Ты единственный здесь, кто знает, что делать.

Она ушла к стене лодки и легла. А Ян остался сидеть у огня, подбрасывая ветки, и слушал, как наверху, на склоне, поднимается ветер. Он и правда шёл с гор, тяжёлый, ровный, и нёс снег.

Снаружи, у мешков, кто-то тихо прошёл. Ян поднял голову. Шаги замерли, потом удалились в сторону ельника, и скоро их съел шум ветра.

Он сосчитал спящих, их было одиннадцать. Двенадцатый, сам он, сидел у огня.

Значит, никто не выходил. Значит, ему показалось.

Он долго смотрел в темноту, туда, где лежали мешки, а потом снова подбросил ветку в огонь и решил, что утром первым делом пойдёт и посмотрит на снег.

Глава 2. Соль на зерне

Ветер ударил в лодку около полуночи, и удар был такой, что жерди под бортом застонали, а с днища посыпалась ледяная пыль. Ян проснулся раньше, чем понял, что спал, и сразу сел.

Огонь у входа прижало к камням, пламя легло набок и почти погасло. Снаружи выло ровно и тяжело, будто кто-то огромный дул в трубу, приставленную к самой скале. Снег летел не сверху, а вбок, и в отсветах углей было видно, как он сечёт по гальке.

— Держите жерди! — крикнул Ян, перебираясь к выходу. — Кто ближе, хватайтесь за правую!

Мартен проснулся сразу, как будто и не спал. Он не задал ни одного вопроса, просто упёрся плечом в правую жердь и замер, огромный и неподвижный, как второй камень. Левую держали Бран и Дарен, плотник, которого разбудило не слово, а скрип дерева.

— Она поедет, — сквозь зубы сказал Дарен. — Под левым краем галька, а не камень. Ветер её выдует, и борт поползёт.

— Сколько у нас времени?

— До утра не простоит.

Ян быстро огляделся. У входа лежали три мешка с песком, которые они набили вечером, чтобы закрыть щели. Он схватил один, потом второй, подтащил к левому краю и стал

заталкивать под борт, туда, где из-под лодки уже выдувало мелкие камешки. Лис, рыжий, проснувшийся, кажется, от одного слова «поедет», подскочил с третьим мешком.

— Ещё нужно, — Ян обернулся внутрь. — Гест, у тебя лопата была на поясе. Выходи со мной, будем засыпать край снаружи.

— В такую погоду? — охотник приподнялся на локте. — Да нас же унесёт в море.

— Не унесёт, если пойдём по верёвке. Ода, дай верёвку!

Полная женщина, которая спала у самого огня, сунула руку под свой мешок и вытащила моток пеньковой верёвки, будто держала его там нарочно. Ян обвязался, отдал второй конец Мартену, а Гест, поворчав, обвязался тоже.

Снаружи ветер сразу сбил его с ног. Ян упал на колени, но удержался, вцепившись в борт. Снег бил в лицо так, что нельзя было открыть глаза, и он работал на ощупь: нагребал гальку и снег к левому краю лодки, утрамбовывал коленями, нагребал снова. Гест рядом копал короткой лопатой, и через несколько минут под бортом выросла плотная насыпь.

Когда они вернулись внутрь, у обоих не гнулись пальцы. Ян сунул руки под мышки, сел к огню и сквозь стук зубов сказал:

— Теперь простоит.

— Ты откуда знал, что будет ветер? — спросил Гест, растирая лицо. — Хаук знал, он рыбак, а ты откуда?

— Видел облако на вершине. Его рвало ветром, значит,

наверху уже дуло, и к ночи это спустится сюда.

— На каторге научился?

— Нет, не на каторге.

Охотник посмотрел на него с подозрением, но ничего не сказал. Его чёрный пёс, которого звали Уголь, подполз к Яну и лёг рядом, прижавшись тёплым боком к его бедру.

— Ишь ты, — хмыкнул Гест. — К чужим он не ходит.

…

До утра никто уже толком не спал. Ветер выл и бил в днище, но лодка стояла, насыпь держала, и каждый раз, когда порыв стихал, Ян слышал, как люди внутри переводят дыхание.

Он обошёл всех, пока было темно. Положил руку на лоб Тиллю, у мальчишки был жар, но небольшой, дыхание ровное. Проверил ноги у Оды, которая жаловалась на холод в ступнях, и заставил её снять мокрые чулки, которые она так и не сменила. Рейно, тот, что с хорошими сапогами, лёг у самого края, туда, где тянуло из щели, потому что так было ближе к выходу и к мешкам.

— Ложись в середину, — сказал ему Ян. — У края к утру замёрзнешь.

— Мне тут удобно, — огрызнулся Рейно.

— Тебе тут холодно. Губы у тебя уже синие, я вижу даже при этом свете.

— Не твоё дело, каторжник.

Ян посмотрел на него долго, потом молча стянул с себя

куртку, которая успела высохнуть, и бросил ему на ноги.

— Каторжник тут каждый, — сказал он. — Ты тоже, так что укрой ноги.

Рейно замолчал, но куртку взял.

Нора не спала. Она лежала у стены, подложив руку под голову, и смотрела, как Ян ходит между спящими.

— Ты как лекарь, — сказала она тихо, когда он сел рядом. — Ходишь, щупаешь, слушаешь.

— Я не лекарь.

— А кто же тогда?

Он подумал, что можно сказать, и решил сказать правду, но ту её часть, которую можно понять.

— Я тот, кого зовут, когда люди попадают в беду в горах. Когда их накрывает снегом, когда они срываются, когда замерзают. Мы приходим, находим, вытаскиваем.

— И много вытащил?

— Много, но не всех.

Нора долго молчала.

— На корабле ты был другим, — сказала она. — Ты молчал и смотрел в пол. Тебя сослали за долг твоего брата, и ты всю дорогу считал, сколько он тебе должен. Вслух считал, по ночам.

Ян не знал, что ответить. Он ничего не помнил о брате, о долге, о корабле. Внутри было только то, что принадлежало Егору: горы, отряд, напарник, с которым они ушли под снег. Он хотел спросить, что стало с напарником, и понял,

что спросить здесь не у кого.

— Наверное, вода смыла, — сказал он. — Вместе с долгом.

— Хорошо бы, — Нора отвернулась к стене. — Долги не тонут.

…

К рассвету ветер ослаб. Ян вылез из-под лодки первым и долго стоял на гальке, щурясь на белый мир.

Снега намело по колено. Ельник на склоне стал седым, вода в заливе почернела, а у берега, в тихой бухточке за камнями, уже лежала тонкая корка первого льда. Море дышало холодом, и над водой стоял пар.

Мешки лежали там, где их бросили вчера, под скалой, укрытые старым парусом, который матросы оставили вместе с лодкой. Парус замело, и мешки превратились в белый горб.

Ян подошёл к ним и остановился. Он вспомнил шаги ночью, ещё до бури, и теперь смотрел на снег. Но снег за ночь лёг заново, и всё, что было под ним, буря сровняла.

— Ты ищешь чего? — За спиной стоял Бран, хмурый, в мятой куртке.

— Смотрю, целы ли.

— А чего им сделается? Вон, укрыты, — Бран пнул край паруса, и с него посыпался снег. — Слушай, утопленник, ночью ты дело сказал, про ветер и про насыпь, это признаю. Но людьми командовать — это другое. Тут нужен тот, кого послушают. Солдат, а не каторжник с перепугу.

— Ты тоже каторжник.

— Я сержант, — Бран выпрямился. — Меня сослали за то, что я офицеру в морду дал. За дело дал. А тебя за чужой долг, ты даже не дрался, просто стоял и подписывал. Таких не слушают.

Ян посмотрел ему в лицо. Бран был широкий, тяжёлый, с перебитым носом и злыми маленькими глазами, и в этих глазах был страх, тот самый, который Ян часто видел у сильных людей в горах. Сильные боятся сильнее всех, когда понимают, что сила здесь ничего не решает.

— Командуй, — сказал Ян. — Мне власть не нужна. Мне нужно, чтобы весной здесь было двенадцать живых. Ты слышал капитана. Двенадцать, не меньше. Если кто-то не дотянет, свободы не будет ни у кого.

— Это я слышал, — Бран нахмурился ещё сильнее. — Дальше что?

— А то, что командуй, но если я скажу, что так делать нельзя, потому что кто-то не дотянет до весны, ты меня выслушаешь. Один раз. Дальше решай сам.

Бран долго смотрел на него. Потом нехотя хмыкнул.

— Один раз, — сказал он. — А там посмотрим.

…

Остальные выбирались из укрытия по одному, щурились, топали, оглядывали белый берег. Ода сразу развела огонь посильнее и поставила на него котёл, который нашёлся среди припасов. Хаук ушёл к воде, долго смотрел на лёд в бухточке

и вернулся мрачный.

— Рано встаёт, — сказал он. — Обычно через месяц после первого снега, а тут сразу. Залив закроет дней через десять, а может, и раньше. Если лодка у нас одна, и та дырявая, рыбу будем брать только из-подо льда.

— А это можно? — спросил Тилль, который уже сидел у огня, закутанный в одеяло, бледный, но живой.

— Можно, если знаешь, где дыру бить, а я знаю.

Гест с псом ушли вдоль ельника, посмотреть следы. Мартен и Дарен взялись за лодку, проверить, что ей сделала ночь. Ивен, писарь, достал из своей кожаной сумки толстую книгу в деревянных крышках, чернильницу и перо в футляре и сел у мешков.

— Теперь, если позволите, я запишу, — сказал он, обращаясь почему-то к Яну, а не к Брану. — Мне это поручено. Капитан выдал мне опись при посадке, я должен сверить.

— Записывай, — кивнул Бран раньше, чем Ян успел ответить. — Ода, ты с ним. Ты в припасах понимаешь.

— А мне что делать? — спросила Нора.

— А ты что умеешь, кроме как язвить?

— Считать, — сказала она спокойно. — Быстрее твоего писаря.

Ивен поднял на неё глаза из-за проволочных очков и мягко улыбнулся.

— Буду рад помощи, — сказал он. — Чем больше глаз, тем меньше ошибок.

Ян смотрел, как они втроём, Ивен, Ода и Нора, снимают с мешков парус. Снег с него сыпался на гальку, и под ним открывались серые холщовые бока с выжженной королевской печатью, корона над якорем.

Ода развязала первый мешок, сунула туда руку и вдруг замерла.

— Ян, — позвала она странно тихим голосом. — Иди сюда и посмотри.

Он подошёл ближе. Ода вытащила руку из мешка, и на ладони у неё лежало зерно. Только это было не сухое зерно, которое сыплется сквозь пальцы. Оно слиплось в комок, мокрый, тяжёлый, и от него пахло не хлебом, а морем.

— Этот тоже, — Нора развязала второй мешок. — И вот этот.

Ивен быстро листал опись, водя пальцем по строчкам.

— Здесь двадцать два мешка зерна, — сказал он. — Если они все такие…

Ода развязала третий, четвёртый, пятый. Зерно было мокрым в каждом. Не насквозь, а сверху, на две ладони, но этого хватало: через неделю оно начнёт гнить, а через две превратится в кислую кашу, которую нельзя будет есть.

Ян опустился на колено, сунул руку в мешок, вытащил щепоть зерна и попробовал на язык. Это была соль, морская соль, горькая и едкая.

Он поднял голову и посмотрел на берег. От мешков до кромки воды было шагов сто, не меньше, и скала стояла вы-

соко над приливной линией. Ночью был ветер, но не шторм. Ни одна волна сюда не доходила, на гальке выше вчерашнего следа прибоя не было ни капли наледи.

Он посмотрел на мешки снова. Вода промочила их сверху, не сбоку и не снизу, как бывает, когда мешок лежит в луже. Сверху, будто кто-то стоял над ними и лил.

— Это не волна, — сказал Ян. — До сюда море не дошло бы и в шторм. Это сделали руками.

Глава 3. Серая рукавица

Слова Яна упали в тишину, как камень в воду, и круги от них пошли сразу во все стороны.

— Как это руками? — Рейно отступил от мешков на шаг, будто они могли его укусить. — Кто это сделал и зачем? Мы же все тут сдохнем от голода, если зерна не будет. Кому это надо?

— Тому, кто не хочет, чтобы мы дожили до весны, — сказал Ян.

— Да кто ж такого хочет? Мы все одной верёвкой связаны.

— Значит, не все.

Бран шагнул к мешкам, сунул руку в один, потом в другой, лизнул пальцы и сплюнул на снег. Его лицо потемнело.

— Соль, — сказал он и повернулся к Яну. — А ты, утопленник, вчера что говорил? Мешки пусть лежат, их до утра никто не тронет. Ты это говорил, все слышали. И кто первым утром к ним пришёл? Ты пришёл, я тебя тут застал, ты над ними стоял.

На берегу стало очень тихо. Даже Уголь перестал вертеться у ног Геста и сел, глядя на людей.

— Я пришёл посмотреть, целы ли они, — ровно сказал Ян. — Потому что ночью, ещё до бури, слышал шаги.

— Шаги, говоришь? — Бран усмехнулся. — Очень удобно. А кто ещё их слышал?

Никто не ответил. Ян понимал, как это выглядит. Он сам на месте Брана подумал бы так же.

— Вспомни, когда ты меня тут застал, — сказал он. — Мешки были под парусом, парус весь в снегу, ровном, нетронутом. Чтобы залить мешки, надо было снять парус. А снег лёг ночью, в бурю. Значит, воду лили раньше, до бури, вечером или в начале ночи. А я всю ночь сидел у огня или держал с вами лодку. Мартен, ты меня видел?

Мартен, молчун, кивнул один раз, тяжело и твёрдо.

— Видел, — сказал он неожиданно низким голосом. — Он всю ночь не спал, как и я.

Бран открыл рот, закрыл, посмотрел на Мартена. Видно, с этим человеком он спорить не хотел.

— Тогда кто это сделал? — спросил он, уже тише.

— Вечером, пока ставили укрытие, все разбрелись, — сказала Нора. — Кто за лапником, кто к воде, кто к лодке. Мешки стояли тут одни почти два часа, и любой мог подойти.

— Любой, — повторил Бран и обвёл всех тяжёлым взглядом. — Значит, кто-то из нас.

Никто не смотрел друг другу в глаза. Лис почесал затылок и отвёл взгляд к морю. Рейно спрятал руки в рукава. Ивен снял очки и стал протирать их краем рукава, медленно и аккуратно, будто от этого зависело, увидит ли он, кто виноват. Тилль, закутанный в одеяло, смотрел на Яна, как будто тот сейчас скажет имя.

Ян имени не знал.

…

— Хорошо, — сказал он. — Кто сделал, тот потом ответит. А сейчас у нас зерно, которое через неделю начнёт киснуть. Если ничего не делать, мы его потеряем всё. Если делать, сколько-то спасём.

— Как ты его спасёшь? — Ода сложила руки на груди. — Солёное зерно не съешь, горло перехватит.

— Промыть его пресной водой.

— Где её взять? Ручей подо льдом.

— Снег, — Ян показал на склон. — Снега тут на всю зиму хватит. Топить в котле, промывать зерно, пока соль не уйдёт, потом сушить. На камнях у огня, на парусе, как угодно. Ода, ты говорила про первого мужа на лесоповале. Там зерно сушили?

Ода прищурилась, и вдруг на её круглом лице мелькнуло понимание.

— Калили, — сказала она. — Не сушили, а калили на горячих камнях, чтоб не испортилось. Получается крупа такая, её потом толочь можно и заваривать. Мы её жареной звали. Она хоть год пролежит, ей ничего не будет.

— Значит, будем калить.

— Это ж сколько работы, — простонал Рейно. — Двадцать два мешка!

— Не двадцать два, — Ивен уже сидел над своей книгой, водя пером. — Я посмотрел: подмочено сверху, на две-три

ладони. Если отделить мокрый слой от сухого, то сухого в каждом мешке будет больше половины. Его надо пересыпать сразу, пока влага не ушла вниз.

Он поднял глаза на Яна, и тот впервые разглядел писаря как следует. Худой, высокий, сутулый, с длинными пальцами в чернильных пятнах. Лицо узкое, бледное, с тонким носом и мягкими серыми глазами за проволочными очками. Говорил он вежливо, тихо, ни на кого не повышал голоса.

— Дельно, — кивнул Ян. — Пересыпать в сухие мешки. У нас есть пустые?

— Есть, — сказал Ивен. — Шесть пустых мешков в описи. И ещё бочки из-под солонины, две полупустые.

— Тогда делаем так. Нора, Ивен, отделяете сухое от мокрого, считаете и записываете. Ода, Тилль, топите снег. Мартен, Дарен, вы делаете из камней большую плиту у огня, такую, чтобы на ней можно было калить. А Гест пусть…

— Гест пойдёт на охоту, — вдруг перебил Бран. — Если зерна мало, мясо нужно. Лис с ним. Рейно, Хаук, со мной на склон, смотреть место под дом.

Ян посмотрел на него и понял: Бран не хочет, чтобы приказы шли от каторжника. Ну и пусть. Главное, что приказы правильные.

— Хорошо, — сказал он. — Только Тилля на склон не берите, у него жар.

— А я никого и не брал, — буркнул Бран.

…

К полудню на берегу дымили три костра. На плоских камнях, которые Мартен уложил у огня, сохло и потрескивало промытое зерно. Ода ходила вокруг, ворошила его деревянной лопаткой и ругалась на тех, кто подходил слишком близко.

Ян промывал зерно вместе с Тиллем. Мальчишка ожил, щёки у него порозовели, жар спал, и он, кажется, считал Яна кем-то вроде старшего брата.

— Я тонул, — сказал Тилль, глядя в котёл. — Я это помню. Сначала холодно, а потом совсем не холодно, а тепло, как дома. А потом ты.

— Тепло — это плохо, — сказал Ян. — Когда в холоде становится тепло, значит, тело сдаётся, ты это запомни. Если когда-нибудь замёрзнешь и вдруг станет хорошо, вставай и иди, даже если не хочется.

— А ты откуда знаешь?

— Видел много раз.

Тилль немного помолчал.

— Я из-за пирога сюда, — сказал он вдруг. — Украл пирог у пекаря. Он был с ягодами. Меня поймали на третий раз. Судья сказал, что на третий раз уже не прощают.

Ян посмотрел на него. Мальчишке было лет семнадцать, может, меньше. За пирог с ягодами его отправили зимовать на дикий берег, на условие, что если кто-то из двенадцати не дотянет, свободы не будет никому.

— Доживёшь до весны, — сказал Ян, — будешь есть свои

пироги сколько хочешь.

…

Нора нашла его, когда солнце, тусклое и низкое, уже касалось гор. Она подошла от мешков, вытирая руки о подол, и села рядом на камень.

— Десять с половиной мешков сухого, — сказала она. — Из двадцати двух. Остальное мокрое, Ода калит, сколько успеет, но всё не спасёт. Солонины две бочки и одна початая. Рыбы вяленой три мешка. Сухарей два мешка, гороха один, и тот подмочен. Есть пуд соли и немного масла.

Она перечислила это быстро, без запинки, и Ян понял, что она не хвасталась, когда говорила, что считает быстрее писаря.

— На сколько хватит?

— На двенадцать ртов, если есть, чтобы работать, — до середины зимы. Если есть, чтобы только ноги не протянуть, — может, ещё на месяц дальше. Это если без охоты и рыбы.

— А зима тут сколько?

— Хаук говорит, лёд сходит через сто сорок дней, а может, и позже.

Ян долго молчал. Сто сорок дней, а еды на восемьдесят. Нужно было больше рыбы, больше мяса и меньше ртов, но меньше ртов было нельзя.

— Ивен всё записал? — спросил он.

— Всё записал. Аккуратно, красиво, у него почерк, как у королевского переписчика, — Нора поморщилась. — Толь-

ко знаешь, что странно? Он записал сухое зерно отдельно, а мокрое отдельно. А когда я посмотрела через плечо, у него мокрое уже было вписано раньше, чем мы закончили считать. Как будто он заранее знал, сколько будет.

— Может, прикинул на глаз?

— Может, — сказала она, и по голосу было слышно, что она так не думает. — Только на глаз так точно не прикидывают.

…

Вечером, когда все сели к огню, Ода сварила из жареного зерна густую кашу с горстью солонины, и люди ели молча, жадно, обжигаясь. Ян ел и смотрел по сторонам.

Их было двенадцать человек, одиннадцать, не считая его. Кто-то из них вчера вечером, когда все были заняты, взял ведро, сходил к воде сто шагов туда и сто шагов обратно, снял парус с мешков, залил их и снова укрыл. Это работа не на минуту. Значит, на этого человека никто не обратил внимания, когда он уходил. Или обратили, но не подумали ничего плохого.

Он вспомнил про ведро и спросил у Оды:

— Вчера ты воду из моря таскала, чтобы котёл отмыть, и брала ведро. Где оно было ночью?

Ода нахмурилась, вспоминая.

— У воды я его оставила, — сказала она. — Котёл отмыла, а ведро бросила там, на гальке. Думала, утром заберу. А утром оно было тут, у мешков. Я ещё подумала, что кто-то

из мужиков принёс, чтобы не унесло.

Ян встал, взял ведро, которое стояло у огня, и поднёс его к свету. Обычное деревянное ведро с железной ручкой. На стенках изнутри белела корка морской соли. А на ручке, там, где её держат, к железу пристал маленький клочок серой шерсти, вмёрзший в наледь.

Он поднял глаза и посмотрел на руки людей, сидящих у огня. Серые шерстяные рукавицы были у пятерых. У Брана, у Лиса, у Рейно, у Дарена и у Ивена.

Глава 4. Карниз

Пять пар серых рукавиц не давали ответа, а спрашивать в лоб было нельзя. Ян это понимал. Если он сейчас скажет при всех, что на ручке ведра серая шерсть, тот, кто лил воду, просто сожжёт свои рукавицы в костре, а остальные четверо начнут коситься друг на друга. И через неделю на берегу будет не двенадцать человек, а двенадцать врагов.

Он отцепил клочок шерсти от ручки, завернул в лоскут и сунул за пазуху. Нора, сидевшая напротив, видела это, но промолчала.

…

Утром Бран повёл всех смотреть место под дом. Ночь прошла тихо, без ветра, и берег сверкал под низким солнцем так, что резало глаза. Ян шёл последним, щурясь, и смотрел не на землю, а на склоны.

— Вот здесь, — Бран остановился у подножия большой скалы, той самой, под которой стояло их укрытие, только шагов на пятьдесят дальше вдоль берега. — Место ровное, скала от ветра закрывает, с моря видно. Камень рядом, лес рядом. Ставим сруб прямо под стеной, она будет нам задней стенкой.

Место и правда было ровное. Площадка под скалой, укрытая от морского ветра, с плотной галькой под снегом. Дарен, плотник, прошёлся по ней, потопал, кивнул.

— Годится, — сказал он. — Брёвна от леса таскать недалеко.

— Не годится, — сказал Ян.

Все разом обернулись. Бран медленно повернулся к нему.

— Твой один раз, утопленник, — сказал он. — Ты его тратишь сейчас?

— Трачу.

— Ну давай, скажи, чем тебе место плохо?

Ян показал наверх. Над скалой поднимался длинный пологий склон, чистый, без деревьев, гладкий, как стол. Наверху, у самого гребня, снег лежал толстым козырьком, нависая над краем.

— Видишь карниз наверху? Ветер всю ночь носил снег с той стороны гребня и складывал сюда. Склон без леса, гладкий, под таким углом снег держится плохо. Он лежит слоями: внизу старый, промёрзший, сверху новый, рыхлый. Когда новых слоёв станет много, всё это поедет вниз. И придёт оно ровно сюда, на твою площадку.

— Сказки, — Бран сплюнул. — Сколько живу, снег сам с горы не ходил.

— Ты жил в долине.

— А ты, значит, жил в горах, на каторге?

Ян не ответил. Он поднялся на несколько шагов по склону, туда, где снег был глубже, достал короткую лопату из-за пояса Геста, который шёл рядом, и стал копать. Копал быстро, ровно, отвесной стенкой, пока не дошёл до гальки. По-

том выпрямился.

— Подойдите и посмотрите все.

Люди подошли ближе. В срезе снега было видно, что он и правда лежит слоями: внизу плотный, серый, с ледяной коркой сверху, а над коркой рыхлый, белый, свежий, в две ладони толщиной.

Ян ребром ладони надавил на верхний слой над коркой. Тот дрогнул и вдруг целиком, одним куском, съехал по ледяной корке вниз, как крышка с котла.

— Вот так, — сказал он. — Это здесь, внизу, где снега мало. А там, наверху, его в десять раз больше. Корка гладкая, по ней всё скользит. Одна большая метель, или оттепель, или просто лишняя тяжесть, и весь этот склон съедет на скалу и через неё на площадку.

— Это ты сейчас придумал, — сказал Бран, но уже без прежней уверенности.

Ян посмотрел на гребень. Карниз висел там, тяжёлый, белый, и с одного его края ветер сдувал тонкий снежный дымок.

— Хаук, — позвал он. — Ты как думаешь, долетит отсюда камень до карниза?

Старик прищурился, прикинул.

— Если руку хорошую, долетит. У меня не долетит. У Мартена долетит.

Мартен посмотрел на Яна, потом на карниз, потом нагнулся, поднял с гальки камень размером с кулак и, не говоря ни

слова, отвёл руку назад.

— Все отойдите назад к воде, — сказал Ян. — Шагов на сто, и быстро.

Люди отошли, оглядываясь. Мартен отошёл тоже, встал на краю гальки и кинул.

Камень взлетел высоко, описал дугу и ударил в карниз чуть ниже края. Сначала ничего не случилось. А потом от места удара пошла трещина, тонкая, тёмная, через весь гребень, слева направо. Карниз осел, качнулся и рухнул вниз.

Звук пришёл с запозданием, глухой и тяжёлый, как удар в огромный барабан. Снег с гребня покатился по склону, захватывая всё больше, вспухая белым облаком, и через несколько ударов сердца весь склон пришёл в движение. Белая стена перевалила через скалу, обрушилась вниз и легла на ту самую площадку, где минуту назад стоял Бран.

Когда облако осело, площадки не было. На её месте лежал вал плотного снега высотой в два человеческих роста, весь в обломках льда.

На берегу никто не говорил. Тилль стоял с открытым ртом. Ода тихо охнула. Рейно попятился ещё дальше, к самой воде.

Бран смотрел на вал долго, очень долго. Потом повернулся к Яну, и лицо у него было белым.

— Если б ночью, — сказал он хрипло, — если б мы там спали…

— Не проснулся бы никто, — сказал Ян. — И копать было

бы некому.

…

Место выбирали заново. Рейно, отдышавшись, предложил ставить дом на мысе, на открытой высокой площадке над морем.

— Оттуда видно корабли, — сказал он, и голос у него был слишком быстрый. — Если кто пройдёт мимо, увидит дым и подберёт. Мало ли, торговое судно.

— Подберёт, и указ сгорит, — сказала Нора. — Нам двенадцатью душами весной тут надо жить, а не на чужом судне сидеть.

— Да и ветер на мысе такой, что дом сдует вместе с людьми, — добавил Хаук. — Там один камень, ни дров, ни воды. Мыс для маяка хорош, а не для дома.

Рейно замолчал, но Ян заметил, как он посмотрел на мыс. Не как на место для дома, а как человек смотрит на дверь, через которую можно выйти.

Ян повёл всех к лесу. Там, где ельник спускался к берегу, между двумя каменными грядами лежала широкая ложбина, а по её дну, под снегом, бежал ручей, который ещё не замёрз до конца: было слышно, как вода журчит подо льдом. Ложбину с моря закрывал пологий холм, с гор её закрывал лес, а склоны по бокам заросли елями густо, как щетина.

— Здесь, — сказал Ян. — Лес держит снег на склонах, лавине тут взяться неоткуда. Ветер сверху идёт над лесом, а в ложбине тихо. Вода под боком, не надо таскать снег и

топить. Дрова под рукой. С моря дома не видно, это правда. Но нам и не нужно, чтобы нас видели. Нам нужно дожить.

Дарен прошёлся по ложбине, постучал обухом топора по стволам ближних елей, задрал голову.

— Лес хороший, — сказал он. — Прямой и смолистый. На сруб хватит, и на баню хватит, если захотим.

— Баня, — мечтательно протянул Лис. — Вот это я понимаю, поселение.

Бран стоял в стороне и молчал. Он больше не спорил. Он только смотрел на Яна тяжёлым, непонятным взглядом, в котором было всё вместе: и благодарность, и обида, и злость на то, что этот тихий каторжник, который на корабле не мог завязать узел, при всех доказал ему его ошибку.

— Ладно, — сказал он наконец, обращаясь ко всем. — Строим здесь, в ложбине. Дарен, ты главный по срубу. Мартен с ним. Остальные, кто не на охоте и не на рыбе, валят лес. Начинаем завтра с рассвета.

И, проходя мимо Яна, тихо добавил, так, что слышал только он:

— Свой один раз ты потратил. Больше не будет.

…

Ивен весь вечер просидел над книгой, записывая что-то при свете огня. Когда Ян проходил мимо, писарь поднял голову и мягко улыбнулся.

— Вы спасли нам жизнь сегодня, — сказал он. — Всем нам до единого. Я записал это в книгу, здесь, на полях, чтобы

капитан весной знал, кто что сделал.

— Не надо, — сказал Ян.

— Надо, — Ивен покачал головой. — Справедливость должна быть записана, иначе её никто не вспомнит. Я так думаю.

Он снова склонился над страницей. Пальцы у него были в чернилах, а на руках, лежавших на книге, были серые шерстяные рукавицы с обрезанными кончиками, чтобы удобно держать перо.

Ян отошёл к огню. Рукавицы у писаря были почти новые, плотные, ровной вязки. Шерсть на ручке ведра была светлее и мягче, как будто от старой, разношенной вещи. Но в отсветах костра цвета обманывают.

Вернулся Гест, поздно, когда уже стемнело. Он принёс двух зайцев и одну куропатку, и Ода встретила его радостным ворчанием. Но сам охотник был мрачен. Он сел у огня, долго грел руки и только потом сказал, глядя в пламя:

— На той стороне мыса, за скалами, кострище, и свежее. Угли ещё не замело, а снег вокруг утоптан. Дня три-четыре, не больше. Кто-то тут был перед нами. Много народу, по следам человек шесть. И ушли они к морю.

Тишина у огня стала такой плотной, что было слышно, как трещит смола в поленьях.

— Может, это рыбаки были? — неуверенно спросил Тилль.

— Хаук, тут рыбаки ходят? — Гест повернулся к старику.

Хаук долго молчал, а потом покачал головой.

— Сюда никто не ходит, — сказал он. — Этот берег пустой сто лет. Потому сюда и шлют ссыльных.

Ян посмотрел на мыс, тёмный, над чёрной водой. Где-то за ним, четыре дня назад, сидели у огня шесть человек, которые знали, что сюда придёт «Чайка». И ушли раньше, чем она пришла.

Глава 5. Пила

Лес начали валить на рассвете, и уже к полудню Ян понял, что половина этих людей никогда в жизни не держала топора.

Рейно рубил так, будто хотел наказать дерево, и после каждого удара тряс отбитыми руками. Лис крутился вокруг ствола, примериваясь то с одной стороны, то с другой, и больше говорил, чем рубил. Ивен честно пытался, но топор в его длинных пальцах выглядел как перо, которым он не умел писать. Только Дарен, Мартен и Бран работали ровно, и под их топорами щепа летела крупная, белая, пахнущая смолой.

— Стой, — Ян перехватил за плечо Тилля, который подбежал к ели, только что подрубленной Браном. — Отойди назад.

— Я сучья хотел…

— Назад, говорю тебе.

Мальчишка испуганно отскочил. Ель, которую Бран рубил с одной стороны, вдруг затрещала, качнулась и пошла не туда, куда её рубили, а вбок, развернувшись на недорубленной перемычке. Огромный ствол рухнул в снег ровно там, где только что стоял Тилль, и вершина хлестнула по сугробу, взметнув белую пыль до самых веток соседних елей.

Бран выругался и отскочил. Тилль стоял бледный, с открытым ртом.

— Дерево никогда не падает туда, куда хочешь ты, — сказал Ян громко, чтобы слышали все. — Оно падает туда, куда тянет его вес и ветер. Перед тем как рубить, смотрите на крону: куда она наклонена, где больше веток, откуда дует. Подруб делайте с той стороны, куда хотите уронить, а валите с другой, чуть выше. И перемычку не дорубайте до конца, пусть она держит ствол, как навес на двери, тогда он не повернётся. И главное, когда дерево пошло, все уходят не назад, а вбок, наискосок. Назад нельзя, ствол может отскочить комлем от пня.

— Ты и лес валил? — Дарен посмотрел на него с интересом. — Где это?

— Видел, как валят, — сказал Ян. — И видел, что бывает, когда валят неправильно.

Он не стал говорить, что половина вызовов в его отряде зимой была именно такой: лесорубы, которых придавило, туристы, которые полезли за хворостом под подрубленный сухостой. Здесь это ничего бы не объяснило.

Дарен кивнул, будто и не ждал другого ответа, и пошёл к следующей ели, на ходу показывая Рейно, как правильно держать топор.

…

К вечеру на краю ложбины лежали двадцать стволов, очищенных от сучьев. Дарен ходил вдоль них, щупал, стучал, отмечал что-то углём на коре.

— На первый венец хватит, — сказал он, когда все собра-

лись у огня. — Но так дело не пойдёт. Топором каждое бревно с двух концов обрубать, это день на три бревна. Нам до настоящих морозов надо крышу поставить, а то в лодке все сляжем. Завтра берём пилу.

— Пилу, говоришь? — оживился Лис. — У нас и пила есть?

— Двуручная, — Дарен кивнул на свёрток холстины, лежавший у его места. — В описи была, капитан не пожалел. Новая, зуб острый. С ней вдвое быстрей пойдёт.

Ивен, сидевший с книгой, поднял голову и что-то быстро вписал.

— Пила двуручная, одна, — пробормотал он себе под нос, будто проверяя.

Ян сидел рядом с Норой и слушал, как трещат дрова. Ода разливала по мискам горячее варево из куропатки, зерна и снега, и люди ели жадно, обжигаясь, а Уголь сидел у ног Геста и смотрел на каждую ложку.

— Ты так и не сказала, за что тебя, — сказал Ян Норе тихо, когда остальные разговорились о бане и о том, кто первый в неё пойдёт.

Нора долго смотрела в огонь.

— За весы, — сказала она наконец. — Я работала в лавке у купца, считала ему товар пять лет. А потом увидела, что у него две гири на один вес. Одна правильная, для королевских сборщиков, другая лёгкая, для покупателей. Покупатель платит за фунт, а получает три четверти. Я посчитала,

сколько он так взял за пять лет. Вышло больше, чем стоил весь его дом.

— И пошла жаловаться.

— Пошла к судье. С книгой, со всеми записями. А через неделю у меня под кроватью нашли кошель с деньгами из его кассы. Купец сказал, что я воровала, а записи подделала, чтобы скрыть кражу. Судья поверил ему. Купец был уважаемый, торговал с большим домом, а я кто? Девка из лавки.

— С каким домом?

Нора взглянула на него с удивлением.

— С торговым домом Сарго. Это самый большой дом на побережье. Лес, рыба, соль, меха. Половина кораблей в гаванях их, а тебе зачем?

— Ничего, — сказал Ян. — Я просто спросил.

Он не знал, почему это имя зацепилось в голове. Наверное, потому что оно было первым настоящим именем из большого мира, которое он здесь услышал.

— Знаешь, что самое смешное? — Нора невесело улыбнулась. — Я до сих пор помню, сколько он недовешивал. До последней унции. Могу посчитать в уме, сколько он наворовал за любой день, а толку от этого никакого.

— Толк будет весной, — сказал Ян. — Когда выйдешь отсюда свободной.

— Если выйду.

— Обязательно выйдешь.

Она посмотрела на него, и в отсветах огня он увидел, что

глаза у неё не тёмные, как ему казалось, а серые, очень светлые, почти прозрачные.

— Ты правда в это веришь? — спросила она.

— Я в это не верю, — сказал Ян. — Я это делаю.

…

Ночью было тихо. Ветер стих, мороз окреп, и над ложбиной стояли звёзды, такие яркие и близкие, каких Ян никогда не видел даже в горах. Он спал урывками, как привык на дежурствах, и дважды выходил проверить костёр.

Во второй раз он заметил, что у входа в укрытие нет рукавиц Брана. Сержант спал, укрывшись с головой, его сапоги стояли у огня, а рукавиц не было. Ян постоял, посмотрел и решил, что Бран просто сунул их под голову.

Утром Дарен развернул холстину, чтобы достать пилу, и вдруг сел прямо на снег.

Пила лежала в холстине целая, но зубьев на ней не было. Они остались на месте, но кто-то прошёлся по ним молотком или обухом, и все они, от первого до последнего, были расплющены, загнуты, смяты в мягкую волнистую кромку. Этой пилой нельзя было перепилить даже ветку.

— Кто это? — Дарен поднял голову, и в голосе у него было что-то такое, от чего даже Бран отступил на шаг. — Кто это сделал? Я её с вечера завернул, своими руками. Она у меня под боком лежала!

— Под боком, — повторил Бран и шагнул к нему. — А может, ты сам? Ночью встал, тихонько, тюк-тюк. А теперь

орёшь.

— Да я тебя…

Дарен рванулся с земли, но Мартен, оказавшийся рядом, положил ему на плечо огромную ладонь, и плотник замер.

— Сам себе пилу ломать, — медленно сказал Мартен, — дурак не станет. А Дарен не дурак.

Ян опустился на корточки возле пилы, взял её в руки. Зубья были сбиты не топором: на них остались ровные круглые вмятины, одинаковые, от плоского бойка. Такие оставляет молоток, кузнечный, тяжёлый.

— Мартен, — сказал он, не поднимая головы. — У тебя молоток с собой был?

Кузнец помолчал, потом кивнул.

— Был, — сказал он. — В мешке с инструментом. Мне его разрешили взять, сказали, пригодится.

— Где сейчас мешок?

Мартен пошёл к укрытию, сунулся под лодку, долго шарил там и вернулся с холщовым мешком. Развязал, вытащил клещи, зубило, тяжёлый молоток с короткой рукоятью. Повертел его в руках. На плоском бойке блестели свежие царапины, а в щели между железом и рукоятью застряла крошечная металлическая стружка.

Мартен смотрел на молоток долго. Потом поднял глаза, и Ян впервые увидел, что этот огромный молчаливый человек умеет бояться.

— Я не делал, — сказал он тихо. — Мешок лежал у моего

места. Кто угодно мог взять и положить обратно.

Бран фыркнул, Рейно отодвинулся подальше, Лис присвистнул. Ода покачала головой, а Ивен быстро что-то вписал в свою книгу.

— Пилу можно исправить? — спросил Ян, глядя на кузнеца.

Мартен взял пилу, провёл пальцем по смятой кромке, прищурился.

— Можно, — сказал он. — Если горн будет. Зубья отжечь, выправить, нарезать заново, развести, а это неделя работы, может, больше.

— Значит, будет горн, — сказал Ян. — Камней тут много, глина в ручье есть. Мех сделаем из шкур. А пока будем рубить топорами.

— Неделя, — простонал Рейно. — Мы за неделю окоченеем в этой лодке!

— Не окоченеем, если будем работать.

Ян встал и посмотрел на людей. Сначала зерно, теперь пила. Кто-то бил по самому главному: по еде и по крыше. Не случайно, не со зла и не от глупости, а расчётливо. Бил по тому, без чего двенадцать человек не доживут до весны.

А молоток лежал в мешке у Мартена, который всю первую ночь держал вместе с ним лодку и ни разу не соврал.

Бран смотрел на кузнеца так, будто уже всё решил. И Ян вспомнил, что ночью у входа не было рукавиц Брана.

Глава 6. Береста

Горн складывали весь следующий день, и к вечеру он стоял у края ложбины, приземистый, из плоских камней, обмазанных серой глиной из ручья. Мартен работал молча и так быстро, что остальные едва успевали подносить камни. Он не поднимал головы и ни с кем не говорил, а когда к нему подходил Бран, отворачивался.

Бран подходил часто. Он не говорил ничего прямо, но ходил вокруг кузнеца кругами, как пёс вокруг чужой миски, и каждый раз, проходя мимо, громко спрашивал у кого-нибудь, где лежит молоток.

— Хватит, — сказал Ян, когда Бран в пятый раз остановился рядом с горном. — Ты ему мешаешь.

— А я, может, присматриваю, — Бран сложил руки на груди. — Мало ли что он тут ещё наковать решит, молоток-то его.

— Молоток его, это правда. А мешок лежал у всех на виду, у входа, где все ходят. Взять мог любой.

— Любой, любой, — передразнил Бран. — У тебя все любые. А зерно кто залил, тоже любой? А пилу кто побил? Сидим тут, как овцы, ждём, пока он нам ночью ещё что-нибудь сломает. Я говорю: связать его на ночь, и всё.

— Меня связать? — Мартен вдруг выпрямился над горном, и Бран, хоть и был не маленький, рядом с ним показал-

ся подростком. — Ну попробуй.

Они стояли друг против друга, и люди вокруг замерли. Ода прижала к груди половник. Тилль, подносивший глину, застыл с полным ведром.

— Если вы сейчас подерётесь, — сказал Ян негромко, — то тот, кто это сделал, будет очень рад. Ему ничего больше делать не придётся. Мы сами себя доедим.

Бран посмотрел на него, потом на Мартена, потом сплюнул в снег и пошёл к лесу, широко шагая и не оборачиваясь.

Мартен постоял ещё немного, потом медленно опустился на колени у горна и снова взялся за глину. Руки у него дрожали.

— Спасибо, — сказал он, не глядя на Яна.

— Не за что. Сколько ещё до огня?

— Завтра, только мех нужен, шкура бы цельная.

— Гест принесёт шкуру.

…

Нора поймала Яна у ручья, где он набирал воду. Она огляделась, будто боялась, что их кто-то услышит, хотя вокруг не было никого, кроме Угля, который увязался за ним и теперь пил из полыньи, громко лакая.

— Мне нужно тебе кое-что показать, — сказала она. — Только тихо, чтобы никто не слышал.

— Ну показывай.

Она достала из-за пазухи кусок бересты, свёрнутый трубкой. Она развернула её. На внутренней стороне углём бы-

ли нацарапаны короткие чёрточки, собранные в группы по пять, и рядом какие-то значки.

— Что это такое?

— Мешки, — сказала Нора. — Я их пересчитала. Сама, ночью, когда все спали. И днём ещё раз, пока Ивен на рубке был.

— А зачем?

— Затем, что мне не нравилось, как он пишет. Я тебе говорила. Он вписал мокрое зерно раньше, чем мы закончили считать. Вот я и решила проверить.

Ян взял бересту. Чёрточки, группы, значки. Он не мог прочитать, но Нора прочитала за него.

— Сухого зерна после пересыпки было десять с половиной мешков. Я сама пересыпала, я помню. В книге у Ивена так и записано, десять с половиной. Сейчас мешков с сухим зерном девять и один неполный. Не хватает почти целого мешка.

— Может, Ода брала на кашу?

— Ода берёт из початого, вон из того, что у огня лежит. Я и его считала. Я каждый день смотрю, сколько она берёт. Это одна мера в день, на всех. Мешка за пять дней так не съешь. А тут пропал целый мешок, и в книге об этом ни слова.

— Ивен об этом знает?

— Не знаю, я ему не говорила.

Ян вернул ей бересту. Нора свернула её и спрятала обратно.

— Значит, кто-то ворует, — сказал он.

— Значит, кто-то ворует, — повторила она. — Или Ивен пишет не то, что есть. Или и то и другое. А я не знаю, что хуже.

Ян смотрел, как Уголь, напившись, отряхивается от ледяных брызг. Пёс поднял морду, посмотрел на него и зевнул.

— Никому не говори, — сказал Ян. — Ни Брану, ни Ивену, никому. Если скажем вслух, вор спрячется. Будем считать дальше, ты и я, каждый день.

— А если это ты? — вдруг спросила Нора.

Он поднял на неё глаза. Она смотрела серьёзно, без улыбки.

— Тогда ты сама себе сейчас всё рассказала, — сказал Ян. — Как-то неудачно вышло.

Она долго смотрела на него, а потом вдруг засмеялась, коротко и как-то облегчённо, и покачала головой.

— Ты не вор, — сказала она. — Воры так не смотрят. Я их видела много, в лавке. Вор всегда смотрит на руки, свои и чужие. А ты смотришь на лица.

…

Вечером, когда все сидели у огня, Ян подошёл к Брану. Сержант грелся у самого пламени, держа над ним руки, и рукавиц на нём не было.

— А где твои рукавицы? — спросил Ян.

Бран поднял на него тяжёлый взгляд.

— А тебе что?

— Просто холодно сегодня. Голыми руками у огня, а потом на мороз, пальцы потрескаются.

— Потерял, — буркнул Бран. — В лесу где-то, завтра найду.

— Позавчера ночью их у входа тоже не было. Ты сапоги у огня сушил, а рукавиц не было.

Бран медленно опустил руки. Лицо у него стало каменным.

— Ты что, следишь за мной, утопленник?

— Я слежу за всеми. Кто-то залил зерно и побил пилу, и это кто-то из нас. Ты сам это сказал.

— Ну так следи за ним, — Бран мотнул головой в сторону Мартена. — Молоток-то его.

— А рукавицы твои.

Бран медленно поднялся. Он был выше Яна на полголовы и тяжелее раза в полтора. Люди у огня затихли.

— Слушай меня, — сказал Бран очень тихо. — Ночью я выходил по нужде. Рукавицы снял, потому что так удобнее, а потом потерял. Есть ещё вопросы?

— По нужде, — повторил Ян. — Позавчера ночью, когда ветра не было. Ты вышел, а через полчаса вернулся, я это видел. По нужде полчаса не ходят.

Бран густо побагровел. Он шагнул вперёд, и Ян не отступил.

— Ещё раз, — сказал Бран, — ещё хоть раз спросишь меня, куда я хожу, и мы с тобой поговорим по-другому, без

свидетелей.

Он развернулся и ушёл в темноту, к лесу. Шаги его быстро стихли.

— Ох, зря ты так, — тихо сказала Ода, подбрасывая ветку в огонь. — Он злой, когда его загонят. На корабле одного матроса за борт чуть не выкинул за то, что тот про его офицера пошутил.

Ян сел к огню. Лис, сидевший напротив, смотрел на него с весёлым любопытством.

— Ловко ты его, — сказал рыжий. — Прямо как стражник на допросе. Ты, часом, не из стражи?

— Нет, не из стражи.

— Жаль, а то был бы свой стражник, мы бы тут быстро порядок навели.

Он засмеялся, и смех у него был лёгкий, заразительный, и Тилль засмеялся вместе с ним. А Ян смотрел, как рыжий весельчак, смеясь, ловко подцепил из котла кусок мяса, лучший, самый жирный, и сунул его в рот, пока Ода отвернулась.

…

Ночью Ян не спал. Он лежал у входа, лицом к лесу, и слушал.

Бран вернулся поздно, когда огонь уже прогорел до углей. Он прошёл мимо, не глядя, лёг на своё место и укрылся с головой. Ян слышал, как он ворочается, а потом засыпает.

Перед рассветом Бран встал снова. Тихо, осторожно, ста-

раясь не скрипнуть лапником. Натянул сапоги, сунул что-то за пазуху, вышел и пошёл не к ручью, не к горну, а вверх по склону, в самую глубину леса.

Ян досчитал до ста, поднялся и пошёл за ним.

Глава 7. Яма под елью

В лесу было темно, но снег светился сам, ровным серым светом, и Ян шёл по следу Брана, не теряя его ни на шаг. Сержант двигался быстро и уверенно, как человек, который идёт этой дорогой не в первый раз. Он ни разу не оглянулся.

Подъём был крутой. Ели стояли плотно, ветки, отяжелевшие от снега, свисали до самой земли, и под ними было темно, как в погребе. Ян держался в двадцати шагах позади и ступал в следы Брана, чтобы не хрустеть настом.

Минут через двадцать лес расступился. Впереди открылась небольшая поляна, а за ней, у корней огромной поваленной ели, темнела яма в снегу, прикрытая лапником. Бран остановился у края поляны и присел на корточки у куста, густо заросшего тонкими прутьями.

Ян замер за стволом и смотрел.

Бран что-то делал руками у самой земли, осторожно, бережно, как будто распутывал нитку. Потом выпрямился, и в руке у него болтался заяц, белый, крупный, с вытянутыми задними лапами. Бран отвязал от его шеи тонкую проволочную удавку силка, свернул её и сунул в карман. Потом пошёл к следующему кусту, присел и проверил, но там было пусто. У третьего тоже ничего не оказалось, а у четвёртого снова был заяц.

С двумя зайцами Бран подошёл к яме под поваленной

елью, отодвинул лапник и спустился вниз. Ян выждал немного и вышел из-за ствола.

Яма оказалась не ямой, а норой, выкопанной в снежном надуве под корнями. Внутри было холодно и сухо, как в погребе, и в этом холоде, на подстилке из еловых веток, лежали рядком зайцы. Ян насчитал девять. Белые, замёрзшие, твёрдые, как поленья.

Бран как раз укладывал к ним десятого, когда услышал шаги наверху. Он обернулся так резко, что ударился головой о корень.

— Ты, — выдохнул он и полез из ямы, и в руке у него уже был топор. — Значит, следил всё-таки.

— Следил, — сказал Ян. Он стоял на краю ямы и не двигался. — Положи топор, Бран. Я не воевать пришёл.

— А зачем ты пришёл? Посмотреть, где у меня что спрятано? Чтобы потом всем рассказать? Чтобы на меня, как на Мартена, пальцем показывать?

— Чтобы узнать, куда ты ходишь по ночам.

Бран стоял, сжимая топор, и тяжело дышал. Пар шёл у него изо рта густыми клубами. Потом он медленно опустил руку.

— Ну, узнал, — сказал он. — Теперь доволен?

Ян посмотрел на зайцев.

— Почему ты их прячешь? Почему не несёшь Оде?

— Потому что, — Бран сплюнул, — у нас кто-то зерно водой залил, пилу побил. Ты думаешь, он остановится? Сейчас

он по мелочи гадит, а когда настоящий голод придёт, к середине зимы, он и солонину польёт, и рыбу сгноит. А может, и сам всё сожрёт. А у меня здесь будет запас, про который никто не знает. Ни вор, ни ты, никто. Когда станет совсем плохо, я их принесу. Вот тогда и посмотрим, кто тут командир.

Он сказал последнее зло, с вызовом, но Ян услышал в этом не только желание командовать. Он услышал страх. Тот самый, что видел у Брана в первое утро.

— Ты делаешь правильно, — сказал Ян.

Бран открыл рот и закрыл. Он явно ждал чего угодно, но не этого.

— Что ты сказал?

— Говорю, правильно. Запас, о котором не знает вор, это умно. Я бы на твоём месте сделал так же. Только ты зря один. Если с тобой что-то случится в лесу, никто не узнает, где запас. И пропадёт всё.

— Со мной ничего не случится.

— С тобой в первую же ночь чуть не случилось. Если бы ты лёг спать под той скалой, ты бы сейчас лежал под снегом.

Бран отвёл глаза. Он долго молчал, а потом сунул руку за пазуху и вытащил пару серых рукавиц, старых, разношенных, мягких.

— Нашёл, — сказал он неохотно. — Тут, на поляне, у силков. В первую ночь потерял, когда силки ставил, руками-то удобнее. А сегодня нашёл.

Ян взял рукавицы, повертел. Шерсть была светлая, мяг-

кая, вытертая. Он достал из-за пазухи лоскут и развернул. Клочок с ведра был такой же светлый, такой же мягкий, той же вязки.

Бран смотрел на лоскут и на рукавицы, и лицо у него менялось.

— Это ещё что такое? — спросил он.

— Это было на ручке ведра, которым залили зерно, — сказал Ян. — Вмёрзло в лёд.

Бран сразу побелел. Он сделал шаг назад, потом ещё один, и упёрся спиной в ствол.

— Это не я, — сказал он. — Клянусь, не я. Я ведро в тот вечер нёс, это правда. Ода его у воды бросила, я шёл с лапником мимо и подобрал, поставил у мешков, чтобы прибоем не утащило. Я в рукавицах был, они у меня старые, лезут. Но я ничего не лил! Зачем мне зерно лить, если я сам до весны дожить хочу?

Ян смотрел на него долго. Бран не прятал глаз. Он смотрел прямо, испуганно, зло, и это была злость человека, которого обвиняют в том, чего он не делал.

— Ода говорила, — сказал Ян медленно, — что утром нашла ведро у мешков и подумала, что кто-то из мужиков его принёс. Ты принёс его вечером, до темноты. Оно стояло там пустое, и любой мог взять его, сходить к воде и вернуться.

— Вот именно! — Бран ткнул пальцем ему в грудь. — Любой мог!

— Значит, тот, кто лил, знал, что ведро там осталось.

Знал, что ты его туда поставил, потому что смотрел.

Бран замолчал, потом опустил руку.

— Смотрел, — повторил он. — Значит, он был рядом. Когда я ведро ставил.

— Кто был рядом?

Бран нахмурился, вспоминая.

— Да все были, — сказал он наконец растерянно. — Все туда-сюда ходили. Лапник таскали, камни. Я не смотрел. Кто ж знал, что надо смотреть.

…

Они спускались вниз вместе, когда небо на востоке уже начало сереть. Бран шёл впереди, Ян сзади, и долго никто ничего не говорил.

— Про зайцев не скажешь? — спросил наконец Бран, не оборачиваясь.

— Не скажу. Но ты мне пообещай одно.

— Что пообещать?

— Если со мной что-нибудь случится, ты отнесёшь их Оде, всех до одного. И если с тобой что-то случится, я буду знать, где они. Нас двое будет знать. Не один, не трое.

Бран немного помолчал.

— А если вором окажешься ты? — спросил он с кривой усмешкой.

— Тогда тебе повезло, — сказал Ян. — Ты будешь знать, что вор знает про твой запас, и перепрячешь.

Бран вдруг хохотнул, коротко, хрипло, как будто сам не

ожидал.

— Странный ты, утопленник, — сказал он. — Очень странный, но ладно, договорились.

Он протянул руку. Ян пожал её. Ладонь у Брана была жёсткая, как доска, и горячая, несмотря на мороз.

…

Когда они вышли к ложбине, у горна уже горел огонь. Мартен раздувал его, качая самодельный мех из заячьих шкурок, сшитых жилами, и угли в горне светились ярко-оранжевым. Рядом на камне лежала пила.

Мартен поднял голову, увидел Брана и замер. Бран тоже остановился. Они смотрели друг на друга через огонь.

Потом Бран кашлянул, подошёл к горну и сел рядом на бревно.

— Мех, говоришь, нужен, — сказал он, не глядя на кузнеца. — Из зайцев много не накачаешь. Дырявые они, шкурки-то. Гест обещал оленя, да где он того оленя возьмёт.

— Шкура нужна целая, — сказал Мартен осторожно.

— Будет тебе шкура. У меня есть одна мысль.

Мартен посмотрел на него, потом на Яна. Ян чуть кивнул. Кузнец помолчал, потом подвинулся, освобождая место у огня.

Ян отошёл к укрытию. Под лодкой ещё спали, только Нора сидела у входа, закутавшись в одеяло, и смотрела на него.

— Ну что там? — спросила она тихо.

— Бран не вор, — сказал Ян. — И не тот, кто лил. Но он

принёс ведро к мешкам. Кто-то видел, как он его ставит, и воспользовался.

— Кто же?

— Пока не знаю. Но у ведра была рука в серой рукавице. Бран свои потерял в первую ночь, а нашёл только сегодня. Значит, когда лили, его рукавицы лежали в лесу на поляне. И шерсть на ведре осталась от того, кто нёс его вечером, от Брана. А тот, кто лил, был без рукавиц. Или в других.

Нора надолго задумалась.

— Значит, клочок ничего не доказывает.

— Он доказывает, что Бран честно нёс ведро, — сказал Ян. — И что вор умный. Он брал то, что уже трогали другие: ведро Брана, молоток Мартена. Чтобы если кто начнёт искать, нашёл не его.

Он сел рядом с ней. С ложбины поднимался дым горна, смешанный с запахом раскалённого металла.

— Он прячется за чужими руками, — сказал Ян. — И это значит, что он нас очень хорошо видит. А мы его нет.

Глава 8. Промоина

Залив встал на восьмой день, как и обещал Хаук. Утром вода в бухте ещё дышала, качая на себе тонкие льдинки, а к вечеру над ней лёг ровный серый панцирь, гладкий, как стекло, и такой тихий, что было слышно, как он потрескивает, остывая.

Ещё три дня старик ходил к берегу, смотрел на лёд, бросал на него камни и слушал звук. На четвёртый день он пришёл к огню и сказал:

— Завтра пойдём рыбу брать. Ян, ты со мной. Тилль, ты тоже. Мальчишка лёгкий, его лёд держит лучше всех.

— А меня возьмёте? — спросил Лис. — Я рыбу люблю.

— Ты рыбу любишь есть, — проворчал Хаук. — А ловить её любит тот, кто терпеливый, так что сиди тут.

…

На лёд вышли на рассвете. Хаук шёл первым, в руке у него был длинный шест, а на плече моток верёвки. Каждые десять шагов он останавливался, бил в лёд пешнёй, которую Мартен выковал ему за два вечера из обломка старого якорного прута, и слушал.

— Звонкий, — говорил он. — Значит, лёд держит.

Ян шёл за ним, в пяти шагах, и смотрел не на старика, а на лёд вокруг. Он знал, как обманчив бывает первый лёд. В горах на озёрах он вытаскивал из воды рыбаков, которые

шли по прозрачному стеклу и проваливались там, где под снегом лёд был тоньше пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.